

Глеб Денисов

Из книги «ЗАКОНЫ ОМА»

120. * * * (чужие)

1.

В чем – замысел, готов разбиться в кровь,
И разобьюсь, глядя в упор в коровь-
Безбрежно карие – в звездах озера -и –
Мокросоленых впадин Азраил.

В глубокий рай, роями на гобой,
За юфть и спилок бледно-голубой,
И вирус возится с губой вслед за страдой,
Уст разверзая куст пустой рудой.

Как имя розы в тайну ни обнажено,
Дух жадным голубем летит сгубить пшено,
Но чуя мякиша – наперерез к другим,
Не осветив мне серпантина к дорогим.

Дана. Как в потроха – труха Дана-ева,
Так – ангел вяжет весть, а наяву – айва,
Божественная плесень, вроде тех,
Что в корешках шуршат библиотек.

2.

И, пропуская миллиард шагов,
Ишачащих ради смерчей вершков,
Вдруг – серафимская, хождения финал,
Положенная в неф, как штиль в пенал.

Не Кабалье – гора с комочком соловья –
Сопрано к ране льнет, плюс альт обут в сафьян,
Вслед за клубком – каблук на мост Сират,
И полупьяный шаг утрате крови – сват.

На берегу Великого Поста,
Я словно вложен в зыбку-кабестан,
И извлекаются-кален клинком-сердеч-ником
Не вслух с колен – о ком, но сотрясаясь, ничком.

Телушками, продвинутой гурьбой
Входящими в сырой притвор рябой,
На гост'ов холокост, покос из рос,

Они выскальзывают в свой Галапагосс.

3.

Окаменей, Оккам; к измене, Гименей,
И, Полигимния, влеки, раз – не пигмей,
В ковчег кочевника – картечь, единорог,
И к хладнокровным косякам – один нырок.

Но воздух марлевый, х-липко-киш-мишевый,
Фомой речистым омывает эти швы;
Я оборачиваюсь в пламень – флейтою,
И вдруг дыханьем вьюжным связку выдаю,

С кровати волчьих квинт – еще спружинь, бросок,
К неотличающим перины от досок,
По ком кропать учебники аскез,
Но кто б скорей стал пылью, чем воскрес.

И виснущим на горле жожаком,
Божком секундным, рваным тормашком,
Выкройкой хроники, кастетом из газет,
Не на кресте, но до кости раздет.

4.

Глухого сна в приборе глицерат,
Перетопить на синьку плошки был бы рад,
В морзянку огонька – не второпях
Качающего гроб на трех цепях;

О, Елисейские поля из хрусталя!..
Буди ль слезы коростелем – пораскалай,
Но белоснежно ль вечности жерло –
На простыню равнин – пролью тоски Мерло.

Шахидом в поясе таская жир, иль касс
Беспрекословный -статок и приказ,
Наткнусь на съевших балахонный пол и стыд:
Чтоб ганнибаловым слоном в снегу остыл.

И этот це-, це- церебральный паралич
Словно застал м. – по локоть и с полич-
С первым ущербным, на бега, за перевал,
И – в пелену, что божий луч не прорывал.

5.

В который раз разрушен Карфаген!..
Лисицы мозг – сметаной в твороге –
Иль вечный хлеб – квашней на воротник,
Где волос србрист, как Прядки Вероник;

Съедобный пряник-грунт!.. До воздуха – вершок,
О как застопорить тебя – ищи, Вари-горшок,
Обеспароленный, я топну, под сурдин-
Но протрубив родство оливы и сардин.

Взлететь-бы-по-лучу росы, вслед Сирано,
Шепча из-под полы – не светит – все равно –
И мериносовым руном согреть сердца,
Что мирноносицами врозь не переносятся,

Как анальгетик. Скопом только лишь.
Огрызок плоти. Комкаешь, калишь.
-оляски, -ойки, -остыли. И по ночам
Подлеты панночек – с Скворцом-Степанычем.

6.

Как был прибит к тебе, и остаюсь, – пришит
К нетронутому «му», как Библия – к Брешит,
Красней кричащих из-под джинс трусов,
К четырехкамерным желудкам корпусов.

Тень холкой шаркает – жарка и войлочна,
Как все в нетронutom: в меру порочн-ночна,
Баут сестринских прибаутки из угла,
И служба в атласе походна и угла.

Календарей св.-истки ль, жмыхи мешков, бахил ль
И лестниц свастики – на киль – епитрахиль,
И наготове уж поручи и орать
Так не тропарь рифмуй, но Божья в паре тварь.

Не отторгаю слов мучнистых комбикорм,
Но через час – на крючья прямиком,
А рыхло вывернутые крылья-резцы –
Не дон Кихотовских ли мельниц образцы.

7.

Вступленье – с рук. Нет, нож не разогреет,
Невинный перестук порцаек в винегрет
За красным рыжее, и лакриматора
Широты – в кубики, под масло матово.

Как за экватором – гора ли, зонт саванн,
Для ветра плаха ли, с изнанки – котлован,
Венец эрозии: с-телись, пасхальный стол,
И выветренным сыт голеностоп.

Как ни был б твой костяк мной перемыт,
Вдруг раскрываешься, как – доски пирамид,
Пасхальной призмюю свободясь, улича
Кастрюли венчик в башне кулича,

– Скребки жемчужницы, купальщиц чашелист,
– Плато- для кашля, бой тяжел и чист,
– Вьюрки ножей, вновь абрикос щеки,
И в профиль грифеля в салфетки росчерки.

8.

Не каждый мельничный мираж зернист врагом,
Как этот надолб с курагой под творогом,
Но те, кто нынче за столом (полночь – горой)
Когда-то были мне от -ублика дырой.

Глазок в ладони Господа – в кистях
Не зрячих, тянущихся Орбитом – как стяг,
Но есть и те, кто вложит в ложь персты,
До них рукой подать. Но крошки – хруст версты.

Побывши рыбой с век, с эпоху иглокож,
Хлопчатым пузырем: отпало «вхож – не вхож»,
Вся грудка перешла холмом в салат –
В душевном неводе нет мяса для заплат.

В краю озер в забралах до трясин
Взгляд ищет чайкой вечных парусин,
До дна, тостующий; а мы – обречены
Из зубочисток – мачт, и парус ветчины.

9.

...Шемякинские ходки с мясником!
Шлепки парные, вы – особняком,
Любовь сквозь страх, и нежность в азимут,
С объятьем в наледи колодных Квазимод.

Страшнее репинского Грозного белки,
Как в ризнице, на то, что лайкой облекли,
И нету разницы живого – с не совсем,
Светил и месяца, крошеного в росе.

Эй, со Штандартным остовом к скуле!
Доколь шарахаться, застолие на скале,
Я в шкуре фартучной – не год, не два – твоей,
Она – антракт и очередь в фойе.

Теперь не страшен хруст, что грустно косолап,
Я выбрал корешки, туман без ламп – ослаб,
Дух, агрессивнее голубок-догаресс,
Спешит на паперть, где Христос воскрес.

10.

Как босховский арфист, пронизаны---
Ни секты здесь, ни влажной новизны:
Подкожный – в девичье; где жарко отложись,
Здесь сразу ставим отправную точку в жисть,

Где ж нет ни мужа, ни жены, протянут рай,
Охолони, грудь Монсеррат, арфист, играй;
Вы, хладнокровные, за коликой тепла,
В тысячелетях неподвижность затекла;

Вы, неизбежные, за полуширмой, шаг,
Первопроходцами, вирусофаг-Ермак,
Так замысел, чтоб коротка кольчу- –
Ответа нипочем не получу,

Не пробуй воздуха, нервознее шимоз,
С неслыханным богатством тянешь воз,
Вы, давшие имен, как для лаптей коры.
И ангелам чужим внимаешь, как родным.

мт - апр

137. * * * (свои)

1.

В безликолунную ночную глубину
Загля- оглядываюсь, и по галуноу
Летучей башенки над Крюковым в ажур
Николу- в сени -Чудотворца вывожу,

Как за ладошку из манежа ползунка
С башибузучными коленцами ростка,
А с ним, с приростом свысока: “Морской в быту,
И в копоть, “Северский, по личн. опыту.

– У марса! – ладанку, ликийских Мир кумир,

Мореных чаек на корме, ночь, подкорми,
Не отличи шпиля на глаз величину,
Назад на двадцать не отчалив, не начну.

2.

От Добужин. до Глазунов. – спелых ночей
Чертог и граффити – что грушки косачей,
Сигающие в наст, смычками в канифоль –
Гнездились здесь, сместить не приневоль;

Здесь, в тучной широте, нет перистых перин,
Лишь куропаткой – буженинщик-Лоэнгрин,
И покоренный окарины лейтмотив
Не окорив до пят, ломóтой не смутит;

Ночевка южная фальшива коньяком,
А с цевкой этой – схвачен канюком,
Полевкою, облеванной овсом.
Улисс, зажатый клипсой Калипсо.

3.

Служительницы-муз – не внук: в венок сенаж,
Репертуар тех дней – пароль и Отче наш,
Ты, цимус-Кировский, как профитроль с икрой,
Издалека круглясь, хоть лож своих раскрой.

Сквозь трал, кошелкою, галерки – лилипут,
Сорокопутье – с дирижерских катапульта,
Прогон Летучего Голландца, и на кол
Накалываюсь вновь в надбровиях Никол,

Морозец на кону – послуденить окон,
С никонианских, прямиком, икон,
Не Оймякон – каюсь – но лед – в огне мирян,
И вновь с пробоиной в клубок вагнериан.

4.

Каплунно-сизой штукатурки колупнув,
Кадила альбинос перекатил копну
И вновь синеволос, двойной удойной мглой
Охотно прячется за аналой.

Голландки кружево, чугунное тепло,
Канал мостком свело, -околенки стило,

Звонаря, пагодка! червонный позумент,
Какой титан вживлен, зубных дробей цемент.

А ночь черкешенкой крошит в голубках взгляд
В доходных саклях -стекл- не закалят,
Разбиться в мелочах не бесшабашнее ль,
Чем с к-лючим звоном кутаться в шинель?

5.

Вновь связка лебедей уносит повозок,
Перво-последнему герою – в рост восток:
Лафет не узкая пирога Гайават,
И газават не разогрет, лишь угреват.

Вновь, в лыбядь, лыбится, погоревать, экран;
Но только на Страстной приободришь, дыра,
Пасха, Безбрежное! на сходку, без обид,
Овечий сквер-сырец толпою перебит;

Черненковская тумба! Гекатомб!
Чеканных лбов папирус про потоп,
И андропиды с отсчетами минут –
Апокриф про святых Пилатов и Иуд.

6.

О воды темные!.. позолотить шеврон,
Заслугой куполов с ветрянкою в урон,
Да рябчик с оспою, как раздробить, в друзьях,
С Бореем второпях, все крест не водрузят,

В каком конце, скажи, началом вас берут,
На треугольнички таращась из Бермуд,
Провеянной скирдой, в истоке стог-бунтарь,
И цвета вен портвейн, и вермут, смут янтарь,

Под красноватый пар Сахры – от анахат
До сахарар и аджн – закатное: в накат,
И сагиттальным ирокезом – в зоб на срез
Лег Айгешатовый, и дорог, как исчез.

7.

Свеча, жирна фламандкой, вплавь, дрожа,
В наполеон слепляя полуржу коржа

Слоистой темени, но снедью Снейдерсов
Мысль-маслом-в грунт-о той, с кем Бог «Не встретиться».

По гофре опален софринский стеарин,
К полуночи! битком невроз да истерин;
Не хорохорься меж продажных и воров,
И кашель-кошениль, д'сахар-Верхарн с хоров.

Се, Серой шейкой в полынье, зашиковал
Росток в душе моей, без хаки-Швейкова,
Шерстистый как щека под ворот-шевиот,
Здесь входим в подземель-, друг, гений, идиот.

8.

Алексий, Божий ч-ек, в топком паяц гробу!
Ножичком взгляда ли, лодыжкой ль – мураву,
Не достает тебя; врозь не бывало Пасх,
И.о. твой, если вскользь, сохатый Волопас.

Косящий на призыв афганскою борзой,
В черно-кричащее – не ящик ль с бирюзой,
И с холкой циклодола, на кровать,
Под колокольный свод – повековать.

А лег? пред коконом в докембрий, мезозой,
С Авророй, в скорости теле-еле-звездой,
А шла Рождественской! ... отпетый в на-кося,
Крещендо в трещину, лучись, карабкайся.

9.

Амфитеатр-зал, ты приучал апло-
В последний -дировать акт, декора-, тепло,
Всего-то: -циям, заднику, тафте,
Сон в сорок два часа, ты не солгал, апте-,

Вот смыло дьякона, басовый святозар,
В столицу, яркой в недоуздке на базар,
Нас-сманит время-патриарх, кость разовью,
В распахнутом собор забросив церковью,

Вот театральное сползает в недоступ-,
Склеп пробуждения, струп чуда на посту,
И служба дышит не спектаклем с волшебством,
Но в ключевое ковш с трепещущим шестом.

10.

Отец Григорий, иерм.....лже-Дмитрий брат Лурье!
Вот это Класс! лимон – в спиральной коже,
Ты – в изголовье моря богословия,
Я в механи- сословье -ческом соловья.

Что есть дистанция? антракт меж бом-м и дзынь?
Или, как плотно б не толпились, по-ро-знь
Пол-сонма, в хлопчатом, страшущихся свеклы
С гранатн. сок., ангелов на острие иглы?

Иль петербуржская мечеть – и муэдзин,
И смальта с купола плюс пропуски корзины?
Иль все же минус и пробел, а города
В прибытке – в горнем, где до встречи – ерунда?..

11.

Дощечки с ИНЦИ в зоб, дорожки на щеках,
Ишейки в галстучках и куклах-плащичках,
И прозелита в книге ник инициал,
Чтоб, пятясь, паразит, не отрицал.

Гений-Лурье; нос-Гоголь; Белый наших дней ль,
Преображенских встреч грей, домино, шинель,
Я ж ... ждал Фатьмы до тьмы, апс! Лурда, ложечкой,
Хоть знал, где явлена, с дотошностью жучка.

Все! можно не гадать, клацай, салам, пенал,
Вместо распятия, прах Клааса, клад-напалм,
И, глядь в поклоне в воск, шпорой с трикирия,
– Огневолосая в вихре Валькирия.

12.

Язык развяжешь мой – без спроса, раз – босяк,
Возьмешь не душу, если, то песцом – ясак,
И оттолкнувшись от Чесменских ртов-ротонд
Врежешь замок бессменным долотом.

Какое гулкое влагалище Валгалл!
Не вложен в ножны крик; и, зная, я оболгал
Паденье без падень-, и без рожна рожон,
Но если – на пиру, то значит, был сражен.

Везучи строф к тебе чехонь и чесуча!
В садок лазутчицей... жуть кухни, заскучав,
Не все таскать тебе каштаны душ-Психей,
Дашь царства в ледяном, я ж утоплю в стихе.

13.

Владея кровью менестрельн-... – хлопок-Харлей –
Ночь – ни шарад, ни – лютней-лотерей,
Все ж неизвестность спит на полюсах,
Как Гей-Люссак, ежась, раздувшийся впросак.

И Бойль-и-Мариотт, и дай Бог жара, Шарль,
Вам идеальное – заполненный сераль,
Ночь не умрет, ширясь, но требуем ланцет,
И в плошках кашляющий в чаде спермацет.

Куда же деть склонившийся провал –
Разбавить? распылить? я словно газ, порвал
Тряпицу в Млечном, фокусник – банкнот,
И рой обрывков, скальд – в бойницу, щель, окно.

14.

О снег, укутывай медвежью ель-княжну,
Как Навои слою о Лейле и Меджнун,
И смежены и снежны газырем
Колени гор вдали, где вечер разорен.

Зодиакальная труха в созвездиях,
Мерцанье фонарей на обувных гвоздях,
Фар ягуар в ветвях, страх зебры вдоль оград,
Гусей-спасителей шумиха фуагра.

О, тепловая смерть вселенной подождет,
Как ждет паштет гостей и в страсти Асти – лед,
Пара живых в потрох, да пара мертвецов,
Четверохолмие, твой занавес свинцов.

*

Люблю!.. не отслоить, вы на полках во мне,
Но час разбрасыванья жеваных камней,
Без Орбита горбом – в церковные врата,
Не коротая трепета-крота.

Июнь 2006 – Январь 2007